

СОВРЕМЕННАЯ «МОНАДОЛОГИЯ»: НОВЫЕ ЭТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ

Статья посвящена формированию нового этического регламента социальной коммуникации в условиях пандемической самоизоляции и постпандемической дистанции. Паноптикум цифровой власти осуществляется через «верховную монаду».

Ключевые слова: идентичность; космополитизм; монада; социальная коммуникация; этика

Д. В. Пивоваров в работе «Язык религии» говорил о монаде как о «субстанциальном элементе», принципе единства, стабильности и формы в пифагорейско-платонической философии. Пантеизм Джордано Бруно, вслед за Н. Кузанским, трактует монаду наименьшим элементом действительности, микрокосмом, в котором отражается макрокосм.

Лейбниц рассматривал монаду как духовную единицу бытия, «истинный атом», «для себя весь замкнутый мир». Монады самодостаточны, не имеют частей и фигур, «не нуждается в других монадах» [2. с. 74], представления о мире и себе развивают из самих себя. «Всякая монада – живое зеркало, наделенное внутренним действием, воспроизводящее универсум со своей точки зрения и упорядоченное точно также, как и сам универсум» [2. с. 405].

Современное общество невозможно представить без СМИ, которые по своей коммуникативной и информационной природе приближаются к идеалу монадической системы функционирования Лейбница, когда поддержание связи друг с другом осуществляется исключительно через «верховную монаду», передающую содержание от пользователя к пользователю. Все находится под строгим контролем центральной монады («Большого Брата») [12, р. 46]. Паноптикум власти реализуется.

Почему теоретическое обращение к монадам своевременно? Ситуация постпандемии, погрузившая каждого человека в цифровое времяпрепровождения, обозначила появление новых установок возникает новых этических установок, доминант и образцов мышления и поведения. Многие современники считают себя космополитами, жителями вселенского города.

Впервые слово «космополит» использовал Диоген Синопский, сопротивляясь течению греческого мира, где каждый был территориально идентифицирован: Фалес Милетский, Гераклит Эфесский. Диоген, рожденный и изгнанный из Синопа, стал скитальцем и разрушителем устоев, столпов, оснований. Диоген отвергал приемлемые поведенческие тактики того времени, отказывался от ключевого социального признака эпохи: места происхождения. Был изгнан из Синопа как из дома этики. Любой космополит отвергает что-то устоявшееся как отвергает устои: стояние, солнцестояние, противостояние, толпостояние, столпотворение, столпничество. Космополит начинает двигаться и уже не может остановить движение, он находится в перманентном передвижении: из деревни в город, из города в город, из страны в страну, из одного мира в другой.

До XIX века 97 % мирового населения составляли сельские жители. Города стали центром коммуникации, привлекая относительной свободой, возможностью

встреч с людьми разных социальных кругов. Поэтому представители новой волны киберутопизма обращают внимание именно на города: Уильям Гибсон в 1984 в книге «Нейромантики» рассматривает Интернет как физическое пространство, город с величественными зданиями, в которых располагались серверы глобальных корпораций [4. С. 230]. Или Нил Стивенсон в «Лавине» (1992) описывает Интернет как метавселенную, черную пустую планету с цифровыми аватарами. Основное населенное пространство планеты – улица, город-проспект, опоясывающий земной шар, куда пользователи приходят, чтобы потолкаться в виртуальной среде. Метафора города визуализирует бесконечное пространство.

Мы, находясь в сплоченном городском пространстве, вдруг отделились друг от друга, соблюдая социальную дистанцию. Когда-то Тесла предсказывал: «Полное и идеальное распространение беспроводной связи превратит землю в гигантский мозг...мы сможем общаться друг с другом вне зависимости от расстояний» [4. С. 38], госсекретарь США при Президенте Говарде Тарте, Нокс, предсказывал, что с «помощью аэропланов народы станут много ближе друг к другу, и таким образом, люди забудут про войны» [4. С. 38]. А получилось, что в век технологических достижений люди были вынуждены самоизолироваться, социально самоотдалиться.

Э. Цукерман, директор Центра по изучению гражданских media, в книге «Новые соединения. Цифровые космополиты в коммуникативную эпоху» говорит о том, как социальные, транспортные и новые информационные сети меняют коммуникативные связи и этические установки современных людей. Ковид-19, атипичная пневмония ТОРС 2002 г., испанский грипп 1918–1920 гг. Смертность от испанского гриппа 2,5 %, от атипичной пневмонии 9,6 % с высокими показателями среди пожилых людей. В борьбе с болезнью Э. Цукерман отдает предпочтение Интернету, «глобальному сотрудничеству и коммуникациям, способности врачей по всему миру обмениваться информацией онлайн» [4. С. 67].

При Ковиде-19 произошла смена оптики вопросов социальной и личной идентичности. Они стали рассматриваться в иммунологических аспектах. Ситуация пандемии актуализировала феномен места без самости и самости без места. Место без самости – так называемые транзитные пространства, места коммуникаций или остановок во время движения: вокзалы, аэропорты, площади, торговые центры, или сооружения, сконструированные для временного пребывания: турбазы, hostels. Такие места обладают особой атмосферой, но их существование не зависит от регулярной обитаемости или коллективной самости. «Они – то переполня-

емые, то вымирающие ничейные места... транзитные пустыни, разрастающиеся в разрушенных центрах и на гибридных перифериях современного общества» [3. С. 1009].

В результате обретения беспрецедентной мобильности общества ослабляют свои связи с местом, в результате чего растет число транзитных мест. Самость без места соотносится с темпоральной формой организованного настоящего, – то, что П. Слотердайт называл «конвергенцией в актуальном» [3. С. 930]. Человечество раздробилось на частицы, монады, «отполированные, синхронизированные, озадачиваемые и стыдимые издалека... раскрытые, куда-то подключенные и перезагруженные существа; они превратились в местоположение своих витальных иллюзий, в точки в гомогенном пространстве; они стали в большей мере видимыми, чем видящими, понимаемыми, чем понимающими, достигаемыми, чем достигающими» [3. С. 1001].

Природа монады раскрывается в ее завершенности, а верховная монада проявляет посреднические способности медиума неотделимые от его обязательного самозабвения: «Возможно, Моисей был косноязычен, а Павел писал глубокомысленную прозу – все это в равной мере не имело никакого значения для использования этих фигур в божественной телекоммуникации» [3. С. 680]. Медиальная природа раскрывается не только в доставлении информации, но в процессе растворения в послании. Это сравнимо с медиальным бытием апостола. Быть не только посыльным или письмоношцем, о которых писал С. Кьеркегор. «Образцовый апостол не может ни возвысить сущность своего полномочия добавлением личного таланта, ни замутнить ее идиосинкретическими нарушениями: он всего лишь доставляет послание его адресатам и удостоверяет себя, ссылаясь исключительно на свое поручение»: *tamquam aqua per tubam* – «как вода по трубе».

Литература

1. Бадью А. Истинная жизнь / А. Бадью. М.: ПАНГЛОСС. 2019.
2. Пивоваров Д. В. Язык религии / Д. В. Пивоваров. Екатеринбург: Издательство УрГУ, 2006.
3. Слотердайт П. Сферы / П. Слотердайт. Сферы. Санкт-Петербург: Наука, 2005.
4. Цукерман Э. Новые соединения. Цифровые космополиты в коммуникативную эпоху / Э. Цукерман. М.: Ад Маргинем Пресс: 2015.

Новые этические установки современного человека позволяют нам провести параллель с монадологией Лейбница. Постпандемическое время актуализировало коммуникацию в Интернет-пространстве. Профессиональная деятельность, социально институциональные отношения определили новый характер аксиологических категорий.

1. Связь друг с другом через «верховную монаду» (цифровой паноптикум власти).

2. Пандемическое и постпандемическое урбанизированное пространство.

3. Социальная дистанция как коммуникативная норма отдаления.

4. «Монадическая» закрытость обезличенного лица: лицо как топос, перестало быть экраном, транслирующим бегущую информационную строку или новостную ленту. Выработанная десятилетиями визуальная экспрессия (мимика, ужимки, даже морщинки) перешли на стадию «обнуления» – «нулевую стадию письма» по Барту. Не метафорической, а материальной маской мы закрываем лицо.

5. Темпоральной формой глобализованного мира становится актуализированное настоящее: временная перспектива «прошлое-настоящее-будущее» сконцентрирована на настоящем. Уходят в прошлое долговременные проекты и договоренности, в повседневной практике ситуация «спишемся», «на связи» и «по ходу решим».

6. Топосное обитание в так называемых транзитных пространствах (аэропорт, ТРЦ). Новой формой развития транзитной архитектуры и постройки стали hostels с так называемыми «капсулами», – пристанище с кроватью и электророзеткой для подзарядки.

Самость без топоса, не привязанная ни к каким герметическим пространствам, позволяет сравнивать личность с монадой, перемещающейся по космической орбите цифровой системы координат.